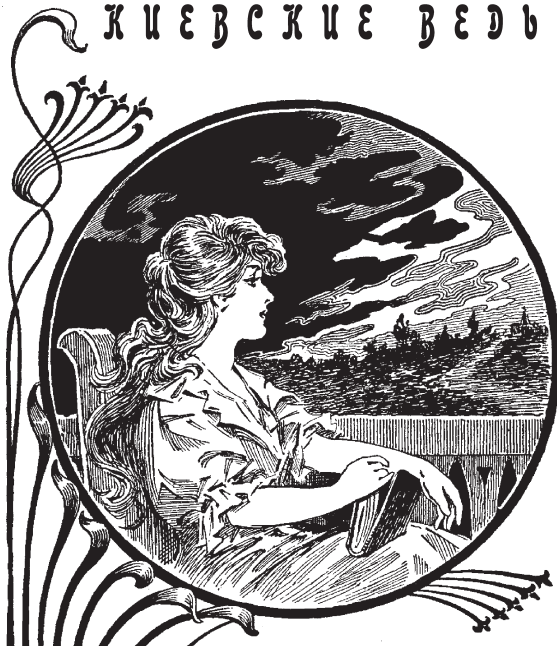

КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ

ЛАДА ЛУЗИНА

ЛЕДЯНАЯ ЦАРЕВНА

ХАРЬКОВ • ФОЛІО • 2015

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*в которой Даша видит сон о том,
как некто видит сон, о том, как некто...*

Высокий мужчина в огромной волчьей шубе стоял перед уходящими в небо деревянными статуями Вечных Богов. Рядом, вокруг плоского жертвенника Вечных, топтались слуги с горящими факелами. Снег скрипел под их ногами, смола с факелов лилась и ранила снег ало-черной огненной кровью. С неба пала звезда, как трепещущая белая птица, подстреленная стрелой удалой.

Повелитель был неподвижен. Он не повернул головы, когда худенький испуганный отрок подошел к нему.

— Тебе ведомо, кто я?

Мальчик посмотрел на высокого мужчину с тяжелыми глазами рыси и быстро ответил, так, как учила мать:

— Наш повелитель.

Мать в пожалованных ей серебряных колтах, песцовой шапке и золото-жемчужном убрусе стояла в стороне, и лицо ее было измятым, испуганным, а глаза — красными от пролитых слез. С первого дня Кратуна, когда люди властителя пришли к ним со златниками и дорогими дарами, наказав привес-

ти сына во двор, она всё рыдала: «Кубунчик, кубунчик, по что?..» Рыдала, спешно дошивая ему нарядную новую рубаху, рыдала, глядя его по голове и научая, что отвечать, рыдала, пока обряжала его... а когда во тьме к ним пришли опять, замолчала, став маленькой и какой-то неважной. Матери не разрешили подойти к повелителю. «Иди один», — слегка толкнули мальчика в спину.

И он пошел.

— Да, я ваш повелитель, — устало принял мужчина заученный ответ. — Но тебе ведомо, кто я?..

Высокий сломался, белое длинное лицо с четко прорисованным хищным носом и взглядом, пронизывающим — словно прокалывающим череп насквозь, оказалось совсем близко, и мальчик узнал, что волчья шуба пахнет свежей кровью, как требуха, которую готовила мать, а длинные одежды владыки расшиты непонятными символами.

Отрок быстро кивнул, — вопрошавший удовлетворился немым ответом, больше повелитель не спрашивал его ни о чем.

— Ты пойдешь к Нему, — приказал мужчина, указывая на деревянного Бога. — А когда подойдешь совсем близко, остановись, оглянись, посмотри на меня. Понял?

— Да.

— Исполняй.

Мальчик двинулся к Богу.

Бог был огромен — казалось, деревянный резной стол подпирает зимнее небо. Лик божества, вырезанный в широком стволе толстого дерева, приближался — усы и волосы его были серебряными, а глаза из настоящих камней — сверкающих, белых. Глаза Бога жадно горели в свете факелов. Бог был жи-

вым, и мальчик боялся его сверкающих глаз, боялся неведомого, прячущегося за необъяснимыми рыданиями матери, — так горько она плакала лишь однажды, когда получила весть о смерти брата на поле ратном.

Бог был совсем близко, когда факелы слуг одновременно опустили горящие головы в жертвенник и вырос костер. Глаза Бога вспыхнули слепящим огнем. Мальчик зажмурился, но сразу вспомнил приказ повелителя и обернулся.

Повелитель стоял на том же месте, но с ним произошло непонятное. Он вырос, сделавшись громадным, как холм, широкие плечи облекал алый плащ, лицо стало хищным — черты заострились.

Запрокинув голову, приоткрыв бледный рот, мальчик в ужасе смотрел на властителя их земель, ставшего страшным великаном.

— Нет... Нет! — услышал он отчаянный плач матери.

Слуги повелителя держали ее, она вырывалась, билась в их руках.

— Это он, — палец великана указал на несчастного отрока. — В колодец!

Квадрат звездного неба мелькнул и пропал...

...черная, проносющаяся мимо тьма колодца была бесконечной. Он даже не успел испугаться, когда тело перелетело преграду, отделяющую твердыню земли от дыры в никуда. А потом страх и подавно исчез, всё исчезло, — он летел и летел, и на смену другим пришло чувство бесконечности, бесконечной

тмы, которая не окончится уже никогда, и нет смысла бояться того, что впереди, темнота и есть самое страшное — нескончаемая, неотвратимая, вечная...

Неужели бесконечный, тоскливый, бессмысленный полет в никуда и есть смерть?

Князь проснулся. Темнота его кабинета была иной — тревожной, нахохлившейся, но безопасной, знакомой: привычные синие обои, стол для письма, вогнутые кресла и извечная неистребимая сырость в улах. Похоже, он заснул на диване. Помедлив, князь нашарил спички, зажег огарок свечи на маленьком и расшатанном круглом столе. Стоящий на давно погасшем камине китайский болванчик с острой белой бородкой недобро качал головой, подтверждая невысказанное — неясную, лежащую на сердце темную тяжесть. Но это был просто сквозняк.

С подсвечником в руках князь подошел к окну — всё еще было в движении, по улицам Петербурга скакали кареты, прохожие на тротуарах прятали от непогоды озябшие лица. Фонари страшно плясали на диком ветру, и от них тянулись, шевелились длинные тени — тени метались по снегу в причудливой пляске: казалось, окна и кровли домов, памятники и барельефы то опускаются, то поднимаются с белой земли. Во всем выговаривалось что-то неясное — будто бы мир тоже стал головоломкой, которую предстоит разгадать, так же как серый город — стал белым. Снег выпал, пока он спал...

Белобородый болванчик опять закачался: да-да, всё так, как и кажется: опасность, опасность! Сквозняк загасил огарок свечи.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая</i> , в которой Даша видит сон о том, как некто видит сон, о том, как некто... ..	5
<i>Глава вторая</i> , в которой мы узнаем, где в Киеве находится загадочный дом-храм	25
<i>Глава третья</i> , в которой к Киевицам приходит Дед Мороз, а кое-кому приходит и Карачун	46
<i>Глава четвертая</i> , в которой Маша ищет капище Велеса, а Катя — вчерашний день	71
<i>Глава пятая</i> , в которой мы узнаем, зачем на елке игрушки . . .	92
<i>Глава шестая</i> , в которой всем очень страшно	114
<i>Глава седьмая</i> , в которой мы посещаем Ледяной дворец	139
<i>Глава восьмая</i> , в которой Катя ссорится с тучами	162
<i>Глава девятая</i> , в которой мы узнаем, «кто в шубу с бородой одет?»	186
<i>Глава десятая и короткая</i> — почти эпилог	205